

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ МЕРВА

(Из работ ЮТАКЭ)

Посвящается памяти крупнейших русских исследователей Мерва — В. А. Жуковского и В. В. Бартольда

Руины Старого Мерва раскинулись на площади свыше 70 км², выходя за пределы стены городской округи рабовладельческой Антиохии Маргианской. Они включают в свою территорию несколько разновременных по происхождению городищ и многочисленные развалины их бывших пригородов. По размерам это самый большой комплексный археологический памятник в СССР. Один из древнейших городов Средней Азии, в свое время Старый Мерв, как теперь выясняется, был самым крупным городом северных областей Парфянского государства.

Руины Старого Мерва давно обратили на себя внимание. За последние сто с лишним лет ими интересовались, их посещали, о них писали очень многие. Когда после 1884 г. они сделались легко доступными, описания развалин города стали особенно часто мелькать в записках путешественников. Некоторые из них пытались производить археологические вскрытия, как, например, члены американской экспедиции Института Карнеджи или участники французской миссии генерала Шафанжона, оставившего по себе память применением при раскопках на Афрасиабе пороховых взрывов при помощи мивных галерей. Большинство авторов ограничивались составлением очерков разной степени доброкачественности и поверхностных описаний; точные исторические данные приводились редко.

В изучении прошлого Мерва за дореволюционное время на фоне некоторого числа неплохих краеведческих работ попадавших в Закаспий представителей русской интеллигенции совершенно особое место занимают исследования В. А. Жуковского и В. В. Бартольда. Первый по поручению Археологической комиссии несколько месяцев 1890 г. посвятил изучению развалин на месте¹. Затем в результате многолетней работы над сопоставлением полученных наблюдений с данными, извлеченными им из письменных источников, он выпустил капитальную монографию «Развалины Старого Мерва»². Равной ей до сих пор нет ни на одном языке ни по одному из городов Среднего Востока. Крупнейший знаток прошлого Средней Азии — В. В. Бартольд дополнил этот труд своей работой «К истории Мерва»³, внося ценные коррективы и ряд совершенно новых сведений, почерпнутых у средневековых восточных авторов. Позднее он же ввел в научный обиход еще немало фактов по истории Мерва, упоминая их

¹ При вторичном посещении Закаспийского края В. А. Жуковский в основном занимался уже не Мервом, а изучением других объектов.

² В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийской области, МАР, вып. 18 (1894).

³ В. В. Бартольд, К истории Мерва, ЗВО, т. XIX (1909).

в различных своих трудах. Однако и В. А. Жуковский и В. В. Бартольд лишь в малой степени касались поры, предшествовавшей арабскому завоеванию. Для времени с середины III в. до н. э. до III в. н. э. у В. А. Жуковского имеется лишь одна фраза: «Положение Мерва в дни греко-бактрийского владычества, к сожалению, остается в полнейшей неизвестности»¹.

В 1904 г. на Эрк-кале и на Гяур-кале закладывались археологические шурфы американской экспедицией Института Карнеджи. Хотя встреченный археологический материал сопровождался разобранными А. К. Марковым нумизматическими находками и определенными русскими ориенталистами К. Г. Залеманом и В. В. Радловым надписями на остраконах и лопаточных костях животных, ни американские ученые, ни участвовавший в экспедиции немецкий археолог Г. Шмидт никаких выводов по истории Мерва не сделали².

С первых лет революции советские научные организации уделяют особое внимание Старому Мерву. Городище и некоторые из находящихся там архитектурных объектов были включены Туркомстарисом в списки памятников, бравшихся в законодательном порядке на государственную охрану. Изучение развалин предусматривалось планами центральных, среднеазиатских и туркменистанских научных организаций, которые частично и были осуществлены (поездка А. Ю. Якубовского в 1929 г.; раскопки А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровского в 1936 г.; изучение архитектурных памятников Н. М. Бачинским и В. И. Пилявским в 1936—1937 гг. и др.). В 1924 г. развалины Мерва, между прочим, посетил и дал по ним работу, стоящую далеко не на уровне даже тогдашней буржуазной науки, Е. Кон-Винер³. Осуждающе-суровый отзыв на эту работу был опубликован В. В. Бартольдом⁴ вскоре же после ее опубликования.

Колоссальность объекта по площади, его многовековые накопления крупнейших массивов культурных толщ с трудно поддающейся изучению стратиграфией, обычно нарушенных в своих нижних ярусах разновременных наслоений, и недостаточная изученность Южного Туркменистана в археологическом отношении — все это делало почти непосильным для одиночек-исследователей дальнейшее изучение Старого Мерва в целом в соответствии с современными требованиями. Между тем, это одна из важнейших задач советской археологии в Средней Азии. Мимо нее не могли пройти и не прошли работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), состоящей при АН Туркменской ССР. В течение первого пятилетия ее деятельности для изучения Мерва и оазиса древней Маргианы выделялись специальные отряды. В 1946 г. четвертый отряд занимался выявлением остатков огромной районной стены Антиоха I Сотера⁵. В следующем году восьмой отряд выяснял границы городской округи Мерва парфяно-кушанского времени и рабада XI—XII вв. В 1948 г. пятнадцатый отряд производил контрольные раскопки центрального бугра в Эрк-кале. В 1949 г. восемнадцатый отряд осуществил несколько маршрутов в северных частях оазиса Маргианы.

Наконец, в 1950 г. проф. М. Е. Массон возглавил специальную группу по всестороннему изучению развалин Старого Мерва с охватом памятников всех категорий и разных эпох, на предмет выяснения периодизации его истории. Одновременно изучались территория пригородов и все отдельные городища: Гяур-кала с Эрк-калой,

¹ В. А. Жуковский, укач. соч., стр. 7.

² «Explorations in Turkestan. Expedition of 1904», т. I, Washington, 1908.

³ E. Cohn Wiener, Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merw und das Mausoleum Sultan Sandschars, «Jahrbuch der asiatischen Kunst», 1925, стр. 114—122.

⁴ В. В. Бартольд, По поводу археологических работ в Туркменистане в 1924 г. «Сообщения ГАИМК», I (1926).

⁵ С. А. Вязигин, Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, ТЮТАКЭ, I (1949), стр. 260—275.

Султан-кала с Шахриярком и Искандер-калой, Абдулла-хан-кала с Байрам-Али-хан-калой; при этом производилась регистрация материалов по крупным квадратам и составление археолого-топографических планов. В Эрк-кале и Гяур-кале осуществлены два раскопа и два стратиграфических шурфа. Небольшой разведочный раскоп заложен к югу от Султан-кала. Проведено несколько маршрутных выездов в северном, северо-западном и южном направлениях от Старого Мерва. Седьмой отряд занимался

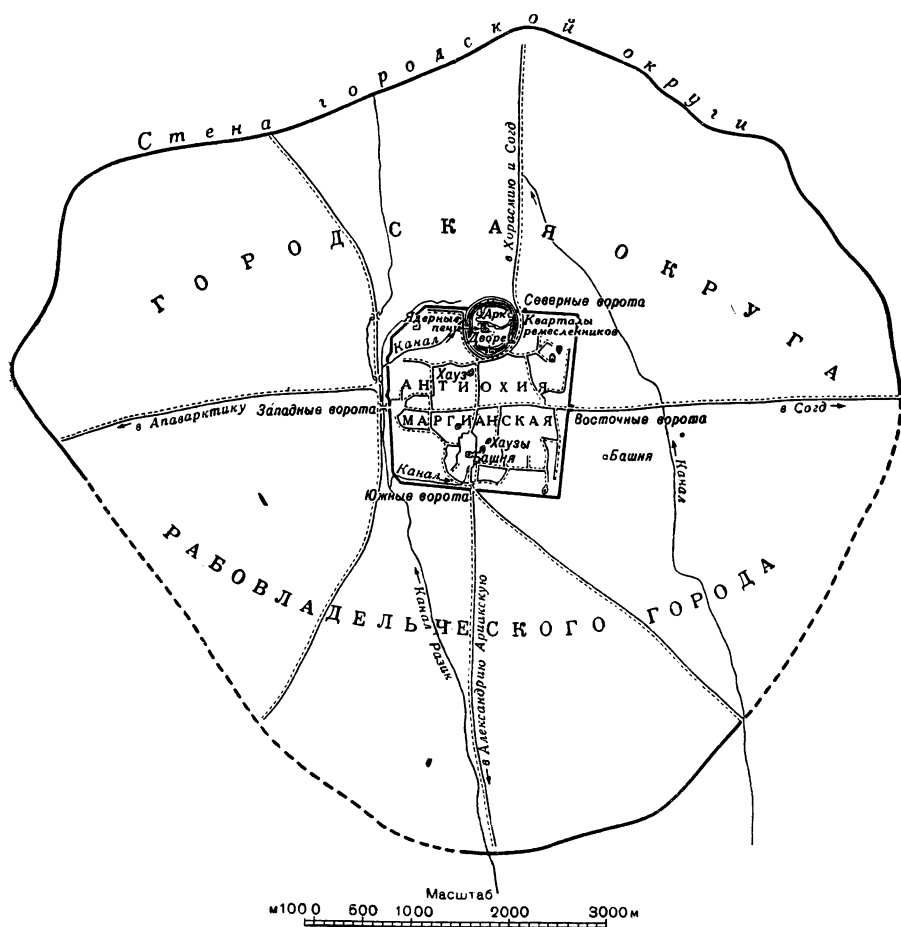

Рис. 1. Мерв парфянского времени

изучением на городищах и за их пределами древних и средневековых памятников архитектуры, фортификационных сооружений, а также усадеб туркмен-сарыков XVIII—XIX вв.

Весь новый накопленный ЮТАКЭ опыт в части изучения археологических памятников Южного Туркменистана, учет всего сделанного предшествующими исследованиями и широкое привлечение, где это возможно, сведений из письменных источников привели к установлению совершенно новых положений в понимании прошлого Мерва. Пока еще нельзя сказать, когда точно сложилось на территории Старого Мерва первое поселение городского типа. Но совершенно несомненно, что задолго до появления греко-македонских фаланг здесь, в центре Маргианы, уже был крупный укрепленный пункт, чисто местный по своему типу, плану, фортификационным особенностям.

Характерным памятником среди городищ древней Маргианы является обследованный нами в 1950 г. Кырк-депе. Он расположен в 15 км к северо-западу от Гяур-калы и представляет собой почти квадрат со сторонами несколько более 300 м. В середине северо-западного фаса, откуда со стороны песков больше всего можно было ожидать появления неприятеля, имеется овальная в плане, частично выступающая наружу цитадель. Единственный вход в нее изнутри крепости защищен небольшим прямоугольным укреплением с двумя башнями по углам. По окружности стены цитадели имелось до десятка таких же башен, но более крупных размеров. Само почти квадратное укрепление было обведено глинобитной стеной с башнями же, причем в середине северо-восточного, юго-восточного и юго-западного фасов усматриваются следы бывших здесь некогда ворот, фланкированных более мощными башнями, чем остальные бурджи. При современном виде оплывших руин кажется, будто проходы имелись и по обе стороны от цитадели. Пролеты между бурджами стены сильно выветрились и оплыли, почему остатки башен воспринимаются современным населением как отдельные бугры, откуда и само название памятника «Кырк-депе», т. е. «сорок бугров». В действительности, по четырем фаса, не считая цитадели, уцелели следы 38 башен. Степень сохранности городища указывает на его глубокую древность, чему соответствует и самый архаический тип, невольно заставляющий вспомнить авестийскую четырехугольную вару. Внутри укреплений нет никаких остатков построек или сколько-нибудь значительного культурного слоя, который свидетельствовал бы о более или менее продолжительном пребывании здесь людей. Общий облик и отсутствие нажитых наслоений показывают, что мы имеем дело в данном случае с памятником, лишь эпизодически служившим убежищем для окрестных жителей. Среди немногочисленных фрагментов керамики, встречающихся на городище, самые старые принадлежат к группе сосудов грубой выделки не позднее середины I тысячелетия до н. э.

При сравнении Кырк-депе с древнейшим городищем Мерва — Гяур-калой обращает на себя внимание их большое сходство. Разница, в сущности, только в масштабах. Овальной цитадели Кырк-депе соответствует огромный, воспринимаемый как неправильный овал, многогранник Эрк-калы. Средневековая историческая традиция связывала его сооружение с деятельностью легендарного царя Техумерта (Ибн-ал-Факих, BGA, V), или Тахмурса (Истахри, BGA, I), третьего мифического владыки Персии, правившего якобы задолго до Искандера Зулкарнайна (Александра Македонского). Археологически установлено, что в нижних культурных слоях Эрк-калы заключен материал, который может быть датирован по крайней мере второй четвертью I тысячелетия до н. э.¹

Огромная площадь Гяур-калы напоминает квадрат со срезанным северо-западным углом. Наличие скоса, равно как и неправильность линии стены западного фаса Гяур-калы объясняются тем, что снаружи к моменту ее возведения уже протекал один из крупных каналов Мерва — Разик. При постройке стены были учтены изгибы этого канала и устроен северный отвод от него внутрь Гяур-калы, а затем и в Эрк-калу². Земли по Разику были, возможно, одним из древнейших мест обитания в центре густо населенного оазиса Маргианы. Для укрытия от неприятеля его многочисленного населения с большим количеством крупного и мелкого скота требовалась такая обширная площадь, какую занимала Гяур-кала, первоначально имевшая сла-

¹ Ср. Б. Б. П и о т р о в с к и й, Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве, «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

² В. В. Бартольд ошибочно предполагал, что главное русло Разика прорезало Гяур-калу и что его «дном» была полоса, «образующая как бы дорогу или большую улицу» (В. В. Б а р т о л ь д, «Сорбщения ГАИМК», I, стр. 210). На самом деле текст Макдиси, где говорится, что Разик (ошибочно ал-Зарк) течет у городских ворот со стороны рабада, входит в город и разделяется в немногочисленные цистерны (BGA, III, стр. 331), надо понимать только в том смысле, что отвод из канала, питавший водой Гяур-калу, входил в шахристан севернее западных ворот рабада.

бую застройку, и то преимущественно в центральной части. Показательно, что даже в пору расцвета рабовладельческого общества во всех четырех углах оставались обширные территории, представлявшие собой полупустыри, может быть, отчасти сады и, во всяком случае, весьма мало застроенные площади. Они были действительно нужны «столичному» укреплению в то время, когда основное богатство жителей все еще составлял скот. С мощью Гяур-калы хорошо согласуется эпитет «могучий», который прилагается в первом фаргарде Видэвдата к созданному Ахура-Маздой третьему месту изобилия — Моуру, т. е. Мервскому оазису.

В свете современных археологических данных можно не сомневаться, что Эрк-кала и территория Гяур-калы были одним из центров восстания маргианцев против персов под руководством Фрада. И, несомненно, на них должно было отразиться подавление восстания в конце 552 г. до н. э. ахеменидским сатрапом Бактрии Дадаршишем, в результате которого было перебито 55 000 человек маргианского населения¹.

Как известно, Квинт Курций Руф (VII, 10, 15) сообщает, что Александр Македонский основал в Маргиане город Александрию и шесть сторожевых укреплений, которые были выстроены неподалеку от этого города. До сих пор не удалось еще точно установить местонахождение Александрии Маргианской и этих укреплений. Однако очень вероятно, что наименование Александрии было дано поселению, находившемуся на территории Гяур-калы, а гарнизон был поселен в Эрк-кала. Записанное в раннем средневековье местное предание приписывает основание «старинного города» на Гяур-кале именно Искандеру Зулькарнейну². Как известно, маргианцы во время восстания против греко-македонского владычества разрушили эту Александрию, и Селевкидам пришлось заново принимать ряд мер для упрочения своей власти в Маргиане. В частности Антиох I Сотер (280—261) отдал распоряжение об окружении всего оазиса огромной стеной в 1 500 стадий (Strabo, XI, 10), быть может, имея в виду оградить плодородные земли с богатыми виноградниками не только от набегов кочевников, но одновременно и от наступления песков, которые прежде были закреплены естественным растительным покровом, но в ту пору снова пришли в движение вследствие более интенсивного развития кочевого скотоводства. Движение песков создавало определенную угрозу стране, причем, вероятно, по неопытности, опасность представлялась тогда значительно большей, чем это было на самом деле. Как бы то ни было, стена была выведена на границе песков, и за протекшие с тех пор две с лишним тысячи лет, несмотря на ряд катастроф, нарушавших надолго пропуск воды по ирригационной сети на окраины оазиса, песок лишь кое-где перехлестнул через бывший рубеж Антиоховской стены и совсем не так уж глубоко проник в глубь культурных земель, хотя сама стена в значительной мере исчезла. Из новых наблюдений 1950 г. над остатками этого грандиозного по своему времени защитного сооружения очень интересен феномен, отмеченный нами в 28 км к северо-западу от Гяур-калы. Здесь на такыре стена никак не сохранилась в рельефе местности, а следы просматриваются лишь в виде широкой светлой полосы, лишенной всякой растительности. На месте бывлой паховой кладки, почти полностью развеянной ветром, лежат черепки, осевшие вниз из бывших верхних рядов пахсы. Километрах в полутора от Мунон-депе такие следы районной стены прослеживаются по прямой линии до самого горизонта.

По распоряжению Антиоха восстановленная одновременно с сооружением упомянутой стены Александрия была названа в честь его отца Селевкией, а затем переименована в Антиохию. Приводимые авторами размеры ее периметра — 70 стадий (т. е. примерно около 11 км) значительно превышают периметр Гяур-калы, имеющий несколько менее 7,5 км. Но, во-первых, неизвестно, чему равнялся стадий, применявшийся для измерений пространств в Средней Азии; во-вторых, следует отметить, что

¹ См. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 3, а также «Материалы ЮТАКЭ», в. 1, Ашхабад, 1949.

² И б н - а л ь - Ф а к и х, ВГА, V; И с т а х р и, ВГА, I.

цифра в 70 стадий вообще часто встречается у греко-римских авторов при описании разных городов на далеком северо-востоке (например, Мараканды). Это заставляет усомниться в реальности данной цифры. Правильнее будет принять ее только как показатель относительно значительных размеров некоторых местных городов.

Обследование стен Гяур-калы показало, что она строилась в несколько приемов (причем применялись различные типы кладки) и нередко ремонтировалась. К эпохе Антиоха следует, повидимому, относить выведение на остатках старых глинобитных стен, использованных как пахсовое основание, новых стен из сырцового кирпича (размером $40 \times 40 \times 12$ см). Многочисленные прямоугольные башни, из которых сохрани-

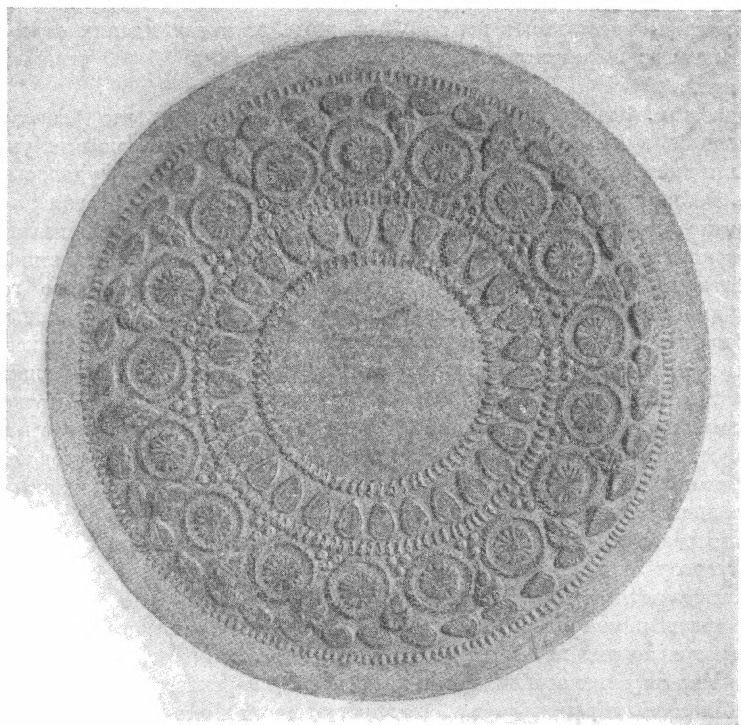

Рис. 2. Оттиск с терракотовой матрицы из Гяур-калы

лось более сотни, нигде не были выдвинуты вперед за линию стен и, таким образом, не давали фланкирования при обороне. В этом отношении они уступали более совершенной фортификации городища «Старая Ниса» раннепарфянского времени, где башни по всему фронту значительно выдвинуты вперед.

Составление археолого-топографического плана Гяур-калы, впервые предпринятое ЮТАКЭ, позволило выявить план этого города и в парфянское время, о чем ранее было решительно ничего не известно. План Гяур-калы, составленный по наблюдениям над выходящими на поверхность культурными слоями, в целом отображает картину XI–XII вв., но вместе с тем по нему удалось в известной степени выяснить схему города парфянского времени с половины III в. до н. э. по III в. н. э. включительно. Антиохия Маргианская при парфянах состояла из цитадели (около 20 га), собственно города (около 3,5 км²) и обширной городской округи. Цитаделью служила древняя крепость Эрк-кала, в которую изнутри города с южной стороны вел крутой пандус. Он шел снизу в направлении с востока на запад и под конец делал один единственный поворот, упираясь затем в мощное воротное укрепление. С восточной стороны, составляя с ним

одно целое, нагребные стены цитадели возвышалась огромная сторожевая башня. Внутри ее были помещения, располагавшиеся в несколько ярусов. Нижние, более старые, сложены из сырцовых кирпичей (40×40×12 см). Верхние парфянские кладки (в том числе сводчатые) выведены из более крупного, но более тонкого кирпича (44×44×10 см), снабженного: некоторых случаях тамгами, которые были грубо прорисованы пальцами по сырой глине. Стена цитадели имела до двух с половиной десятков башен, причем находившаяся в середине северной дуги была несколько крупнее и выше остальных, за исключением расположенной у ворот.

От ворот дорога проходила по обжитой части цитадели¹ и подводила к находившемуся почти в центре сооружению сложного устройства; здесь постепенно на протяжении веков сложился своего рода замок-арсенал. К концу парфянского времени нижние помещения были уже забиты землей и строительным мусором; образовавшаяся таким образом платформа была облицована парфянским кирпичом (с различными тамгами). На платформе, возвышающейся над поверхностью до 25 м, были, видимо, еще какие-то с ооружения, может быть, связанные с жилищем правителя или начальника крепости. Расчистки некоторых забутованных под платформой помещений дали в числе прочих находок несколько бронзовых трехперых наконечников стрел раннепарфянского типа, медные монеты арсакидского чекана и коротенький стиль из слоновой кости с вырезанным на тыльном конце изображением сжатой в кулак кисти руки. По западному фасу, на несколько метров ниже уровня платформы имеются остатки крупных продолговатых печей, где обжигались глиняные ядра для машин метательной артиллерии. Одна из печей была расчищена в 1950 г. вдоль фаса платформы. Другая, обнаруженная раньше, уходит в толщу платформы, имеет в длину до шести метров и осталась с древности сплошь загруженной тысячами круглых ядер бракованной выпечки. Как показали многочисленные наблюдения на развалинах Старого Мерва и, в частности, данные стратиграфии раскопов № 1 в Эрк-кала и № 2 в Гяур-кала, глиняные обожженные ядра, имевшие широкое применение в парфянское время, были двух типов. Одни из них обыкновенные, округлые, достигающие до 22 см в диаметре, другие — в виде равносторонних трехгранных пирамидок со сторонами от 11 до 20 см. Хорошо обожженные до температуры спекания глины, они по физическим свойствам самой формы отличались достаточной прочностью. Совершенно несомненно, что перед нами одна из древнейших разновидностей того вида оборонительных предметов (типа «чеснока») против неприязельской кавалерии, которые в средние века на Востоке обозначались термином «хасак» и состояли из четырех спаянных железных шипов, обращенных в разные стороны. Назначение «хасака», разбрасывавшегося на поле сражения или перед крепостными стенами, заключалось в том, чтобы затруднить маневрирование вражеской конницы. Интересно, что именно так же осмыслиет собранные экспедицией пирамидальные парфянские ядра и местное население. По одной из рассказываемых им легенд, Мерв при султани Саяджаре был укреплен следующим образом: город имел высокую стену с башнями и глубокий наружный ров, а за ним якобы были густо насыпаны пирамидальные ядра, мешавшие лошадям приближаться к Мерву. Употребление круглых глиняных ядер, по данным археологического наблюдения, продолжалось в Мерве и позднее, причем в VI—VII вв. изготовлялись как будто преимущественно ядра мелкого калибра.

Что касается собственно города Мерва поры расцвета рабовладельческого общества, то сейчас выявляется известная правильность его планировки. Она определялась уже формой почти четырехугольного плана Гяур-калы и расположенными в городской стене воротами. Покойный В. А. Жуковский считал почти невозможным выяснить с достаточной долей вероятности не только местоположение ворот на городище Гяур-калы, но даже число их, и на своей условной схеме показал по паре ворот в западном и восточном фасах. В западном его, очевидно, смутили места пропусков двух отводов из русла Разика. В действительности еще при парфянах город имел четверо ворот

¹ Здесь образовался мощный культурный слой.

почти в середине каждого фаса. Главнейшими воротами были южные ¹ и северные. Первые ворота вели на две большие караванные дороги: одну — в направлении на Балх, Индию и Китай; другую — в сторону Серахса и далее через Персию в западные страны. Обе теперь обозначаются не только веками наезженной трассой, но и буграми от развалин караван-сараев и других придорожных сооружений. Из северных ворот отходила главная дорога на Хорезм и Согд. Направлявшиеся в Мавераннахр караваны предпочитали ее в связи с тем, что, двигаясь по ней, можно было сделать целый однодневный переход по культурной полосе оазиса, тогда как после выхода в восточные ворота вскоре приходилось попадать в сыпучие пески. Южные ворота устроены как раз в середине южного фаса; северные же слегка сбиты от проходящей с севера на юг средней оси расположенной на ней цитадели и находятся под ее прикрытием непосредственно с восточной стороны. И у северных, и у южных ворот сохранились остатки довольно примитивного типа защитных сооружений в виде крупных одиночных фортообразных выступов, отходящих наружу под прямым углом к крепостной стене вдоль восточных сторон дорог. У восточных ворот такого рода фортификационное сооружение позднее было заменено двумя параллельно тянувшимися стенами по обе стороны дороги почти на протяжении около ста метров. Западные ворота вели в наиболее густо обжитую часть пригорода, считались, повидимому, наименее угрожаемыми и были не так сильно защищены. Не исключена возможность, что современным видом остатки околоротных сооружений и примыкающая к ним изнутри полуовальная площадь обязаны изменениям, внесенным в раннем средневековье, когда здесь располагался малый базар. Характерной особенностью тех мест, где были расположены древние ворота Гяур-калы, является концентрация около них разбросанных на значительной площади упоминавшихся выше глиняных обожженных ядер.

В западном фаса севернее ворот, но южнее углового скоса расположен специально предусмотренный при возведении стены пропуск упоминавшегося отводного из Разика канала. Головная часть была защищена соответствующим фортификационным сооружением. Несомненно, здесь находился главный ввод канала, снабжавший водой крепость. Возможно, что при парфиянах вода внутрь города проходила и по другим руслам. Сейчас прекрасно видно место впуска внутрь Гяур-калы южного отвода канала, в прежнее время, вероятно, хорошо замаскированного. Во всяком случае, Макдиси в X в. южного отвода не упоминает. Вода по нему растекалась не только по юго-западной части города, но в древности! безусловно могла попадать и в юго-восточную. Сейчас сохранились остатки нескольких разновременных русел арыков, проведенных с внутренней стороны вдоль южного фаса городской стены. Колебания их уровней достигают двух метров. Самое высокое из них — старейшее из уцелевших на поверхности. Вероятно, под опльвом стены погребены и более древние арыки.

На территории Гяур-калы видны следы довольно значительного числа иногда очень крупных и глубоких хаузов-водоемов, из которых в средние века некоторые не могли уже наполняться самостоком, без водоподъемных приспособлений из-за заглубления магистральных каналов, с одной стороны, и из-за поднятия общего уровня поверхности внутри города (за счет накопления мощных культурных наслоений) — с другой. Возможно, что это также явилось впоследствии одной из дополнительных причин, способствовавших раннему замиранию шахристана и переходу основной массы населения в западную часть пригорода — рабада. В парфянское же время такого рода затруднений в водоснабжении города не существовало, и недостатка в воде в нем не ощущалось.]

При всей развитости водоснабженческой сети, с примененной, как и в парфянской Старой Нисе, системой подземных водоотводных гончарных труб-кобуров, она не только не определяла собой планировку города, но, как показали наблюдения, наоборот, сама зависела от нее. Основную схему парфянскому Мерву давали главные улич-

¹ Основываясь на данных В. А. Жуковского, В. В. Бартольд осторожно писал, что «в южной стене Гяур-калы ворот, повидимому, не было» (В. В. Бартольд, К истории Мерва, ЗВО, т. XIX, стр. 7).

ные магистрали, отходившие от четырех ворот и рассекавшие весь город на четыре части. Более плотно была заселена широкая полоса средней части города между восточными и западными воротами, а также кварталы по обе стороны улицы, шедшей от центра к южным воротам. Здесь мощность культурных наслоений достигает 7 и более метров, причем значительная часть нижних ярусов приходится на парфянское время. Большая разреженность наблюдается во всех четырех углах Гяур-калы. Характерно, что здесь «парфянский материал» в виде монет и керамики выходит прямо на поверхность и не перекрыт более поздними отложениями; это показывает, что Гяур-кала полностью была обжита в пору расцвета рабовладельческого общества. Среди отдельно распо-

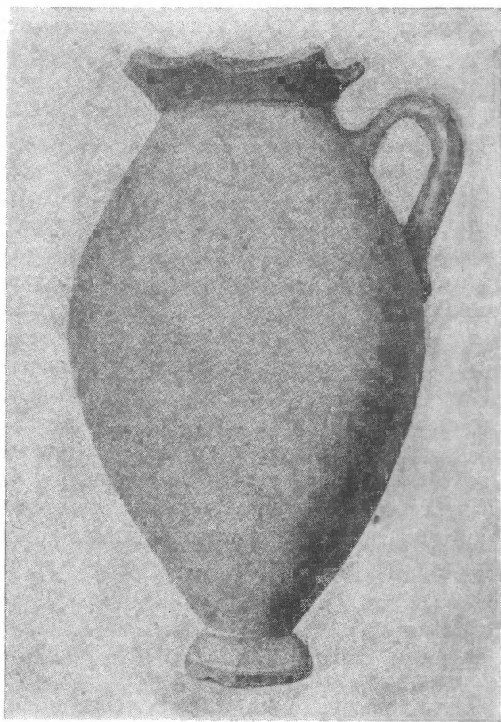

Рис. 3. Парфянский сосуд из раскопа
«дома медных дел мастера»

Рис. 4. Терракотовая фигурка
парфянского времени

женных бугров в северо-восточных и юго-восточных углах городища явно намечаются руины других обширных зданий, причем прослеживаются не только кладки стен из парфянского кирпича, но и своды. Все это многообещающие объекты для будущих раскопок.

Весьма важен установленный в 1950 г. факт наличия в Мерве поры расцвета рабовладельческого города четко выраженных ремесленных кварталов в северо-восточной четверти Гяур-калы. Здесь жили керамисты-посудники, мастера по изготовлению глиняных идольчиков, железных дел мастера, медники-литейщики. Об этом говорят встречающиеся тут формы (калыны), разнообразные шлаки, ошлакованные кирпичи, куски горнов, ладошкообразные крицы, напоминающие таковые же из раскапывавшегося нами в 1938 г. квартала металлостов кушанской поры в Термезе. Заложенный неподалеку от восточного фаса Эрк-калы разведочный раскоп на одном из бугров-руин с остатками ремесленного производства на поверхности обнаружил во вскрытых верхних ярусах три одновременных культурных слоя. Все они относятся к парфянскому времени, датируются значительным числом медных монет арсакидского чекана первых

веков нашей эры и всем комплексом находок (шлаки, сопла, литейные формы, остатки горнов, врытые подле них в пол хумы для воды, предметы продукции и одновременно домашней утвари до идольчиков включительно) связаны с ремеслом литейщиков из меди и лиц, занимающихся вообще обработкой металлов. Это показывает, что в рабочем владельческом Мерве ремесленники со своими мастерскими и жилищами оставались территориально на одном и том же месте на протяжении нескольких поколений.

Среди полученного на Гяур-кале материала парфянского времени совершенно особое значение имеют первые археологические комплексы керамической утвари, датируемые арсакидскими монетами пока преимущественно первых веков нашей эры. Интересны амфоры, энохи, изящные кувшинчики, чаши. Мерв дал также фрагменты керамических ритонов, употреблявшихся в быту и близких к тохаристанским с правобережья Аму-Дарьи, которые принадлежат кушанскому времени. Носик одного мервского ритона изображает голову быка. Собранные

Рис. 5. Терракотовая головка парфянского времени

десятки фигурок терракотовой народной скульптуры, изображающих преимущественно богинь и жриц, то обнаженных, то полубнаженных, то задрапированных в длинные одежды с высокими тюрбанообразными головными уборами и зеркалом в руке. Как и в парфянских слоях Нисы, в Мерве в изобилии попадаются морские раковины из Индийского океана (мелких «каури», больших «тритонов», крупных устриц и др.), указывающих на наличие определенных связей Маргианы со странами Индии.

Вне пределов Гяур-калы памятники парфянского времени рассеяны на всей территории городской округи, границы которой определяются валом Гилякин-Чильбурдж. Больше всего они встречаются в непосредственной близости от Гяур-калы, к северо-западу, северу, северо-востоку и востоку от нее. К юго-западу и западу от этого городища остатки парфянских сооружений по большей части или уничтожены, или скрыты под средневековыми слоями.

Стена Гилякин-Чильбурдж, не сохранившая остатков в юго-западной части, некогда охватывала площадь около 60 км² и имела, несомненно, несколько ворот. Одни из них установлены нами на дороге, идущей от Эрк-калы к северу. Как и у ворот Гяур-калы, здесь обнаружено некоторое скопление керамических ядер. Повидимому, эти ворота можно отождествить с воротами Ник во внешней стене Мерва, упомянутыми у Хамзы Исфahanского¹ и Табари². Точных данных о времени сооружения Гилякин-Чильбурдж пока получить не удалось. В всяком случае, стена городской округи существовала в первых веках нашей эры, когда, вслед за признанием в 61 г. автономии Гиркании, от Парфии отпал ряд провинций и когда Маргиана в числе прочих 18 владений (или «парфянских царств» Плиния), вероятно, получила известную самостоятельность. Археологические разрезы и наблюдения отметили следы крупного ремонта пришедшего в упадок Гилякин-Чильбурджа для времени, непосредственно предшествующего арабскому завоеванию.

Вторая половина существования Парфянского государства была, видимо, для Маргианы особенно беспокойным временем. Пограничное положение между коренными землями Арсакидской Парфии и могущественным Кушанским государством, владевшим побережьем Аму-Дарьи вплоть до Хорезма, делали Мервский оазис весьма уязвимым почти со всех сторон. Несомненно этим объясняется наличие остатков крепостей,

¹ См. В. Г. Тизенгаузен, ЗВО, XI, стр. 332.

² В. В. Бартольд полагал, что ворота Ник, по всей вероятности, помещались в северо-западной части Мерва, см. ЗВО, XIX, стр. 121.

расположенных иногда сравнительно недалеко от самого Мерва. Среди них особенно важным в научном отношении объектом являются развалины Чильбурдж, лежащие всего в 17 км от Гяур-калы и прикрывающие Мерв с северо-запада. В 1904 г. американская экспедиция допустила грубую ошибку, отнеся Чильбурдж к «позднемухаммеданским руинам»¹. В плане крепость представляет неправильный четырехугольник со сторонами от 190 до 230 м. В северном и южном фасах уцелели остатки мощных ворот с инженерными защитными приспособлениями. По углам и всем четырем фасадам выступают наружу на расстоянии около 25 м друг от друга примерно четыре десятка прямоугольных башен-бурдж, которым памятник обязан своим современным названием («Чильбурдж» = сорок башен). Основание стен выведено из нескольких рядов пахсы, клавшихся с большим уклоном. Выше идет кладка небольших размеров из

0 2 4 6 8 10 12 м

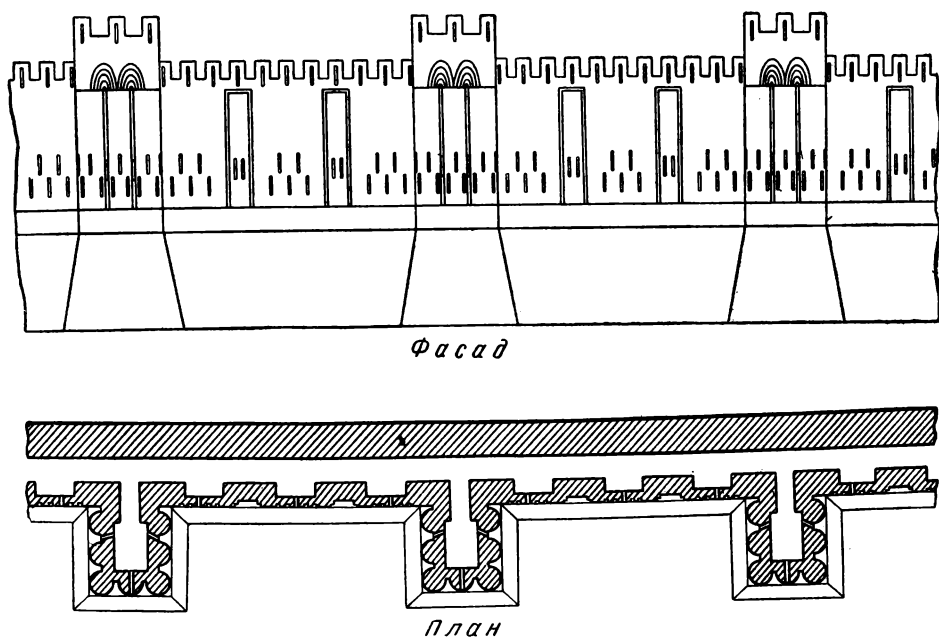

Рис. 6. Парфянская крепость «Чильбурдж» (чертежи реконструкции стен)

крупных квадратных парфянского типа кирпичей. Остатки стен в некоторых местах сохранились по высоте до 15 м от поверхности прилежащего такыра. Кое-где уцелели настоящие и ложные бойницы. Последних было в пять-шесть раз больше подлинных. Особенность крепости составляют «гофрированные» башни — типичная среднеазиатская фортификационно-конструктивная форма, обычно относившаяся исследователями к более позднему, так называемому «сасанидскому» периоду. В Чильбурдже мы имеем наиболее ранний из выявленных памятников, где применены «гофры», и притом уже при устройстве башен.

По сравнению со стенами Гяур-калы и Старой Нисы Чильбурдж представляет собой более совершенное фортификационное сооружение, явно появившееся позднее их. Руины северо-восточной угловой башни сохранили остатки мощного глинобитного наружного футляра, который наложили, вероятно, при каком-то ремонте. Внутри крепости имеются следы лишь незначительной застройки, чем подтверждается основ-

¹ См. E. Huntington, Description of the Kurgans of the Merv Oasis. «Exploration in Turkestan», т. I, Washington, 1908, табл. 58, № 11.

ная функция Чильбурджа — служить крепостью, постоянными обитателями которой были только солдаты гарнизона. Сохранность руин такова, что изучение различных деталей наружного и внутреннего устройства позволило дать графическую реставрацию первоначального вида памятника. Материал, собранный внутри крепости, дает в основном керамику парфяно-кушанского времени и лишь отчасти XI—XII вв. Там же найдены: две медные позднепарфянские монеты (одна из которых принадлежит, по-видимому, чекану Вологеса IV), терракотовая фигурка первых веков нашей эры с кружками-бляшками¹, фрагменты раковин из Индийского океана.

В числе новых наблюдений 1950 г. установлен факт, что стена Антиоха при парфянах, т. е. в пору расцвета рабовладельческого общества, уже не служила границей земель оседлой культуры. Об этом красноречиво свидетельствуют остатки поселений, находящихся вне ее, таких, как, например, Гебеклы. Оно лежит в 32 км к северо-западу от Гяур-калы и в 3 км северо-западнее стены Антиоха. Его укрепленный пункт, имеющий в плане 95×100 м, сложен из сырового кирпича 42×42×12 см. Его керамика принадлежит парфяно-кушанской поре. Среди находок имеются две терракотовые фигурки богинь. На прилежащей площади встречены фрагменты бадахшанского лазурита, железные крицы, керамические шлаки и оплакованные жженные квадратные кирпичи крупного размера. На площади поселения не обнаружено материалов времени кризиса рабовладельческого общества и последующих столетий.

Суммируя все сделанные ЮТАКЭ на месте археологические наблюдения, можно прийти к следующим выводам по древней истории Мерва. Пока не получено никаких определенных археологических данных для времени вхождения Маргианы в состав греко-бактрийского государства. Прочное присоединение Мургабского оазиса к Парфии в конце II в. до н. э., отмеченное наличием среди нумизматических объектов памятных драхм группы *катастратея* с упоминанием Маргианы, приходится на второй период в истории Парфянского государства, именуемый нами «филэллинским»². В эту пору, после разгрома в 53 г. до н. э. армии Красса, в Маргиане было поселено около 10 тысяч пленных римских солдат. В местной народной терракотовой скульптуре этого периода красноречиво отразился процесс постепенной переработки эллинистических мотивов. В третьем периоде истории Парфии, наступившем вскоре после начала нашей эры и характеризующемся «антиэллинским» направлением в политике и культуре, Маргиана, при расчленении государства на более или менее автономные провинции, возможно, получила известную самостоятельность. Тогда были вызваны к жизни описанные выше оборонительные сооружения. К этой поре относится раннее упоминание названия главного города оазиса Антиохии Маргианской как Мерва (в китайской форме Му-лу³), в чем можно усмотреть отказ от прежней эллинизированной географической терминологии. За последние годы некоторые европейские исследователи на основании слов китайской хроники, что завоевание Кадфизом I Кабулистана произошло после покорения Аньси (подразумеваемая под этим владение «Малой Аньси», т. е. Малой Парфии, или Маргианы), приходят к заключению, что Мервский оазис с тех пор и до вторжения в долину Мургаба сасанидских войск в III в. н. э. прочно входил в состав кушанского государства⁴. Однако данные археологии показывают, что если захват Маргианы кушанами и имел когда-либо место, то он или не был долговременным, или сопровождался установлением каких-то особых отношений с признанием за страной большой самостоятельности. В противном случае при развитом денежном обращении в I—II вв. н. э. в пределах Мургабского оазиса должны были иметь хождение значительные ко-

¹ О мервских фигурках такого типа см. Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды ЮТАКЭ», I, стр. 344—346.

² Об этом см. ВДИ, 1950, № 3, стр. 47 и сл.

³ И а к и ф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851, стр. 114.

⁴ См., например, R. Ghirsmān, Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes. «Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan», XII, Caire, 1946, стр. 151.

личества монет кушанского чекана, в изобилии находимые на территории южных областей Таджикистана, Узбекистана и в Хорезме; между тем в процессе работ ЮТАКЭ на территории Старого Мерва удалось собрать немало монет разных эпох, но среди них до сих пор не зарегистрировано ни одной кушанской¹; наоборот, встречается много позднепарфянских медных халков. Традиционное изображение на их обратной стороне сидящей фигуры обожествленного основателя династии, Арсака I, с луком в протянутой руке показывает, что в Маргиане продолжали жить стремления к признанию некоего единства владений Арсакидов. Четвертый период, характеризующийся в истории Парфии разложением ее как крупного рабовладельческого государства, закончился для Мерва некоторым упадком городской жизни. Об этом наглядно свидетельствуют значительные площади Гяур-калы, где позднепарфянские культурные слои оказываются лежащими на поверхности и не перекрыты никакими последующими наслоениями. Вместе с тем данные археологических наблюдений показывают, что кризис рабовладельческого общества с особой силой сказался в Мерве лишь в IV—V вв., когда в оазисе стали усиленно сооружаться в большом числе крупные укрепленные усадьбы (депе), а сам город заметно захирел и в нем появились заброшенные руины. Характерно, что на Гяур-кале содержимое культурных слоев III в., датировемых монетами раннесасанидского чекана (Ардашир I, Шапур I), мало чем отличается от инвентаря позднепарфянского времени (ср. керамику раскопа № 1 и шурфа № 2). В свете работ ЮТАКЭ 1950 г. для истории Мерва и его оазиса так называемый «сасанидский» период (III—VII вв. н. э.), обычно воспринимавшийся как нечто единое, в действительности распадается на три этапа. Первый охватывает почти все III столетие (с момента гибели Парфянского государства) и, по данным археологии, представляется продолжением предыдущего; он приходится еще на эпоху рабовладельческого общества. Второй этап падает примерно на IV и на большую часть V в. и соответствует поре максимального обострения кризиса рабовладельческого общества. Третий — с конца V в. до завоевания страны арабами, — приходится на раннюю стадию феодализации; он способствовал новому подъему городской жизни Мерва частично в Гяур-кале, а частично на территории западных и юго-западных пригородных участков, в основном по каналу Разик и в меньшей мере по каналу Маджан, где новый центр города оформился уже в VIII веке.

Таковы в самых общих чертах новые данные по древней истории Мерва, полученные в результате работ ЮТАКЭ по комплексному изучению всех его городищ.

Проф. М. Е. Массон

РАСКОПКИ КРЕПОСТИ ГАРНИ

(Основные результаты работ Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Армянской ССР в 1949—1950 гг.)

В археологическом изучении Армении наиболее существенный пробел относится к тысячелетию, лежащему между падением государства Урарту и упразднением царства армянских Аршакидов (от VI в. до н. э. [и до V в. н. э.]). Это было время, когда в истории страны происходили чрезвычайно важные события, крупные сдвиги и изменения. В течение этого тысячелетия произошло образование армянского народа (VII—II вв.); после продолжительной борьбы против мидийских, персидских и селевкидских завоевателей успешно завершилось образование армянского государства. В I в. при Тигране II древнеармянское государство достигло своего высшего могущества. Армения переживала хозяйственный и культурный расцвет, в частности, развивались торговля и ремесло, возник целый ряд го-

¹ О находке халка «безымянного царя» в Ашхабаде [см. «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 139. Признание чекана «безымянного царя» эмиссией Кадфиза I см. М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя», ТСАГУ, н. с., вып. XI (1950), стр. 11—49.